

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2011 – 4 (226)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

Москва
2011

Валентина Николаевна Сченснович
Россия и мусульманский мир № 4 / 2011
Серия «Научно-информационный бюллетень
«Россия и мусульманский мир»», книга 226

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10245318
Россия и мусульманский мир №4: Москва; 2011
ISBN 2011-4*

Аннотация

В журнале публикуются научные материалы по текущим политическим, социальным и религиозным вопросам, касающимся взаимоотношений России и мировой исламской уммы, а также мусульманских стран.

Содержание

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПУТЬ	5
ШАНСЫ РОССИИ В ПОСТАМЕРИКАНСКОМ МИРЕ	12
ИММИГРАНТЫ, РОССИЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Россия и мусульманский мир №4

*КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – НЕТ!
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – ДА!*

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ РОССИИ?

Владимир Шевченко, доктор философских наук (Институт философии РАН)

Результаты социологического мониторинга «Народ и власть», проведенного Социологическим центром РАГС, позволяют сделать вывод, что в массовом сознании российского населения все более доминирует идея особого, собственного пути развития России.

Тем не менее радикальные либералы считают эту идею опасной и маргинальной, толкающей страну на путь изоляционизма и закрытости. На запрос общества откликнулась партия «Справедливая Россия». В ее программе говорится, что стране «надо не догонять или повторять кого-то, а искать свой путь, адекватный природно-климатическим, историческим, социально-культурным условиям страны, традициям и святыням народа, его духовным ценностям». Председатель партии С.М. Миронов в своих выступлениях неоднократно высказывал эту мысль. В статье «Социалистическая идеология в современном мире. Социализм и Россия» он вновь повторил ее, сказав, что «мы должны найти свой путь. Как его выбрали Швеция и Дания, Китай и Вьетнам. Как его выбирают Индия, Бразилия и другие латиноамериканские страны. Вопрос не в том, чтобы подражать этим странам. Надо искать свое».

Вот здесь и встает вопрос, как идея особого, собственного пути развития может быть соотнесена с предложенным вариантом модернизации российского общества. Конечно, было бы неразумно отвергать то несомненно позитивное, что содержится в общем замысле и первых конкретных программах модернизации. Но ведь возможен и такой взгляд: необходимо саму модернизацию понять как подступы, подходы к пониманию российским обществом неизбежности выбора своего национального пути развития страны. Некоторые отечественные авторы интерпретируют успехи Китая как модернизацию. Но сами китайцы считают, что их страна избрала свой национальный путь развития – построение социалистического общества с китайской спецификой.

Так что можно сказать, забегая вперед, что особый или национальный путь включает в себя многие элементы объявленной модели модернизации, но по своей масштабности и перспективам он выглядит далеко выходящим за ее пределы. Так какой же может быть перспективная интерпретация этого национального или особого пути развития, способная раскрыть величественные горизонты достойного будущего России?

Новой версией идеологии, на которой базируется объявленная модернизация, становится идеология российского консерватизма как некий уточненный вариант прежнего либерального консерватизма. В объявленном варианте модернизации можно выделить три главных мировоззренческих, идеологических вектора, назовем их так: больше европеизма. Больше независимости. Больше свободы и политической демократии.

Говоря о будущем страны, правящая элита с 90-х годов прошлого века и по сегодняшний день особо подчеркивает необходимость создания в стране «нормального» общества, такого как в развитых европейских странах. Конечно, кто же будет против такой постоянно тиражируемой «нормальности», особенно когда говорят о том, как российское общество сравнивается с Европой по основным жизненным показателям для основной массы населения. Много раз было озвучено, что страна вошла в мировую экономическую систему, стала ее составной, неотъемлемой частью, и потому все разговоры о каком-то самостоятельном, особом пути России в XXI в. надо оставить.

Модернизации в литературе классифицируют по самым различным основаниям: органичная, догоняющая, революционная и т.д. И тогда в одном ряду стран, вставших на путь

догоняющей модернизации, оказываются (так получилось у журнала «Эксперт») Тайвань, Южная Корея, Аргентина, Китайская Народная Республика.

В этой позиции мы усматриваем намеренное устранение из общественного сознания как массового, так и специализированного, формационных оценок существующего в России общественного строя. За фасадом европеизма как идеологии превращения нынешней России в «нормальную» европейскую страну спрятано явное желание реформаторов сделать Россию нормальной капиталистической страной. Но почему либералы так упорно избегают в публицистике слов капитализм и социализм? Разве они устарели? Кстати, только партия «Союз правых сил» на последних думских выборах в 2007 г. выступила с программой достройки в стране капитализма. Результат голосования за нее на выборах – 1 %.

Финансово-экономический кризис мирового капитализма обсуждается западной мыслью в самых различных проекциях. Французский президент Н. Саркози на форуме «Давос–2010» вновь выступил с резкой критикой современного капитализма как извращения нормального капитализма. «Мы спасем капитализм и рыночную экономику, если преобразуем их, сделав их нравственными... Капитализм всегда был неотделим от некоей системы ценностей, от проекта цивилизации, от определенной идеи человека». Позиция высказана предельно ясно и без всяких туманностей. Другими словами, пара терминов «социализм – капитализм» из отечественной политической лексики носит предельно расчетливый характер. Отказ официальной идеологии от использования термина «капитализм» радикально дезорганизует сознание российского общества вот уже на протяжении почти 20 лет.

Если власть намерена и дальше «совершенствовать» уродливый номенклатурно-олигархический капитализм, но называет новое, желанное общество просто демократическим и свободным обществом, то, видимо, существуют некие глубокие причины, которые вынуждают ее не называть вещи своими именами. Эти причины глубоко вскрыл в свое время К. Маркс, говоря, что «существующие отношения – отношения буржуазного производства – являются естественными, экономисты хотят этим сказать, что именно те отношения, при которых производство богатства и развитие производительных сил совершаются сообразно законам природы. Следовательно, сами эти отношения являются не зависящими от влияния времени естественными законами. Это – вечные законы, которые должны всегда управлять обществом. Таким образом, до сих пор была история, а теперь ее более нет». Именно в том смысле, что история, как она ни развивайся далее, никогда уже не выйдет за поставленные ей границы.

Либеральные идеологи считают капитализм естественным состоянием, и потому они решительно вычеркивают противоречие капитализм – социализм как нечто безнадежно устаревшее.

Только на первый взгляд кажется, что стремление к превращению российского общества в нормальное европейское общество и к сохранению независимости не противоречат друг другу. Но в исторической перспективе это как квадратура круга – вещи несовместимые.

Все сегодня в глобализирующемся мире взаимосвязано и взаимозависимо. Но есть разные связи и разные зависимости. Китай не считает себя частью мировой капиталистической экономической системы, он озабочен тем, как выстраивать равноправные и взаимовыгодные отношения с ней. КНР оказалась на мировой арене полноправным субъектом глобализации и глобальной экономики наряду с США. Положение России прямо противоположно положению Китая. Страна де-факто вновь стала периферией (как и до 1917 г.) мировой капиталистической экономической системы, в которой и ныне господствуют объективные законы накопления, концентрации и централизации капитала. Эти законы никто не отменял, и они хорошо показывают причины постоянного оттока капиталов из периферийных стран системы в ее центр. По самым скромным подсчетам, за время реформ в России за рубежом оказалось

свыше 500 млрд. долл., и этот поток не остановлен. В 2009 г. из страны, по данным СМИ, вывезено 69 млрд. долл.

Главный вопрос жизни или смерти России состоит вовсе не в многовековой отсталости России, а в ее экономической и финансовой зависимости от Запада. Зависимость порождена мировым разделением общественного труда. Именно зависимость порождает отсталость, а не наоборот.

Один из аспектов отмеченной выше проблемы состоит в том, как страна включена в мировое разделение общественного труда. Россия существенно отстает от Запада в технологическом отношении. Поэтому на первом плане в модернизационном проекте стоят вопросы ускоренного создания и внедрения новейших, прорывных технологий. Рассчитывать на помощь Запада здесь не приходится, более того, Запад никогда не пойдет на предоставление или продажу России новейших технологий и даже на прямое содействие этому. Нужно рассчитывать на свои и только на свои силы в отношении прорывных технологий. Западу никогда не нужна была сильная процветающая Россия. Это верно в отношении имперской России и тем более в отношении Советского Союза. Это верно и сегодня. Европа, весь западный мир по-прежнему видит Россию сырьевым придатком, отсталой страной периферийного капитализма.

Исторический опыт имперской России – зависимой и отсталой страны капиталистической мировой экономической системы – показал, что логика развития страны периферийного капитализма принципиально другая, чем стран центра этой системы. Сегодняшняя ситуация в стране поразительно напоминает ситуацию конца XIX – начала XX в., которая могла быть разрешена только через революцию, что и произошло в 1917 г. Хозяйственная деятельность России как страны периферийного капитализма должна прежде всего удовлетворять требованиям внешнего, в первую очередь европейского, рынка. Из этого проистекает и другое, не менее важное обстоятельство: не просто слабая интеграция в стране экономического пространства, а отсутствие его как единого целого. С одной стороны, экономика не ориентирована в целом на формирование и развитие внутреннего рынка, а с другой – экономика должна всячески стремиться к всемерному понижению издержек производства, чтобы быть конкурентоспособной на внешних рынках. Эта ситуация препятствует интеграции экономики в единое целое, затрудняет, а не облегчает проведение в обществе необходимых для дальнейшего развития социальных и политических реформ, обрекает на стагнацию неэкспортные отрасли производства, делает хронической бедность и нищету основной массы населения.

Либерально-консервативный проект носит вершечный и избирательный характер. В нем уделяется много внимания развитию современных технологий, их использованию для создания инновационной экономики, созданию своей «маленькой» финансовой системы аналогичной западной. Необходимость разработки новейших прорывных технологий в ходе объявленной модернизации более чем очевидна. Но технологии создаются и используются, во-первых, людьми науки, которые должны получить сначала необходимое образование и которых еще нужно научить делать прорывные открытия, во-вторых, технологии встраиваются не просто в экономику, а в общество, в социум. Они требуют не просто новой информационной инфраструктуры, они требуют людей с определенными социальными качествами, определенного уровня и качества жизни. Поэтому, если говорить о полномасштабной модернизации российского общества, то модернизация должна начинаться с решительных изменений в социальной сфере, в социальных институтах и гражданских практиках. В проекте модернизации отсутствует глубокий интерес к состоянию российского социума. Видимо, авторы этого проекта уверены в его бесконечной пластичности и податливости к любым способам трансформации независимо от социальных качеств человека.

В разработанной модели модернизации важное место отводится модернизации политической системы, определяются роль и границы участия государства в проведении политики модернизации.

В начальные годы XXI в. роль российского государства заметно изменилась. С одной стороны, власть выступила за сохранение вектора на дальнейшую либерализацию общества, с другой – стала восстанавливать и всемерно укреплять вертикаль власти, одним словом, создавать дееспособное государство с явно выраженными чертами авторитаризма. Последствия этого поворота были настолько глубоки и многообразны, что они требуют специального рассмотрения.

Истории человеческого общества известны только два типа организации власти государства на принадлежащей ему территории. Объединить страну в единое государственное целое могут:

1) либо торгово-денежные, рыночные отношения между людьми, когда они достигают высокого уровня развития и становятся универсальной формой общественных отношений. Государственные институты власти в этом случае выступают политической надстройкой над сложившимся экономическим фундаментом;

2) либо в отсутствии рыночных отношений только жесткая авторитарная вертикаль власти с универсальными отношениями непосредственного господства и подчинения между людьми. Отказ от авторитарного устройства власти исторически невозможен пока не возникнут в ходе истории товарно-денежные отношения и все остальное, что из этого вытекает. Других типов организации государственной власти нет, а конкретно-исторические общества могут сочетать эти типы в различных пропорциях при доминировании того или иного типа.

При авторитарном правлении социальные гарантии, приемлемый уровень социальной жизни людей выступают более значимым условием стабильности и доверия общества к власти, чем гарантии реализации политических прав и свобод граждан. По этой причине становление гражданских чувств и гражданской ответственности, единства нации идет через отождествление каждого человека с государством, а затем уже в той или иной степени с различными демократическими институтами, например с парламентом, если они имеют место.

Авторитарная власть всегда рискует, когда забывает о выполнении своих обязанностей перед народом, что в отечественной истории было и остается распространенным явлением. Отпадение человека от государства, антигосударственные настроения и выступления имеют, как правило, свои корни в безразличном отношении государства к человеку, к бедности, к нищете, при отсутствии реальных программ по их ликвидации.

Авторитарная вертикаль власти по своей внутренней сущности далеко отстоит от классического буржуазного государства, а тем более от современного любого западноевропейского государства. То, что произошло в стране в 90-е годы, можно назвать возвращением к институциональной матрице (инварианту), которая имела в России несколько конкретно-исторических форм своего воплощения. Авторитаризм есть один из двух главных способов политического управления обществом, поэтому его оценка, положительная или отрицательная, зависит от целей, которые преследует власть. Нынешняя авторитарная модернизация может получить свое историческое оправдание только в контексте провозглашенных национальных интересов и стратегических целей развития.

Какие исторические перспективы открывает нынешний вектор авторитарной модернизации? Модернизация предлагает стране дальнейшее движение по пути периферийного зависимого капитализма, причем она будет носить характер, не имеющей никаких стратегических перспектив догоняющей модернизации. На этом пути есть шансы включиться в мировую гонку по развитию новейших технологий и достигнуть здесь значимых результатов. Но сколько сил ни потратит страна на движение по пути периферийного капитализма, догнать ей наиболее развитые страны Запада так и не удастся. Уверенность, с какой правя-

щая элита говорит о возможности стать вровень с развитыми странами Запада, на деле окажется опасным и дорогостоящим заблуждением. Путь догоняющей модернизации развития вновь окажется тупиковым, как и путь форсированного развития капитализма в дореволюционной России.

Сегодняшние усилия власти по реализации конкретных экономических и технологических целей имеют важное значение для упрочения положения страны на мировой арене, однако стране остро необходим качественный поворот политики, когда главнейшим приоритетом становится социальная сфера жизни. Очевидно, что такой поворот можно осуществить только с помощью демократизации политической системы, на что власть идет с большой осторожностью. Подлинная демократизация должна заключаться в создании эффективно работающей многопартийности, состязательности идей, механизма прозрачных и честных выборов, в первую очередь президента, а также депутатов Государственной думы, законодательных органов власти всех уровней. Совершенствование, демократизация политической системы не может быть самоцелью, содержание и масштабы демократизации обусловливаются стратегическими целями развития страны. Политические реформы, впрочем, не должны вести к разрушению властной вертикали, значимость которой станет особенно велика, когда будет необходимо мобилизовать всю властно-управленческую пирамиду для эффективного решения стратегических задач развития.

Социальная направленность политики может стать доминирующей в обществе только в случае выхода за пределы нынешних целей модернизации, когда власть поставит своей высшей стратегической целью освобождение страны от финансовой зависимости со стороны мировой капиталистической экономической системы. Это должен быть новый вектор исторического развития.

Фундаментальная слабость либерально-консервативной модернизации – отношение к социуму. В объявленном проекте модернизации обойдены самые важные моменты, касающиеся состояния российского социума, путей его трансформации, участия различных сегментов общества в его трансформации. Многие радужные картинки будущего в этой модели модернизации в докладе Института современного развития (ИНСОР) «Россия XXI век: Образ желаемого завтра» никак не увязаны с нынешним реальным состоянием российского социума. Главной целью особого или национального пути развития должно стать качественное обновление социума. Его современное состояние выступает главным и практически непреодолимым препятствием на пути объявленного проекта модернизации.

Системный регресс – это главное, что нужно зафиксировать при обсуждении вопроса о состоянии российского социума. С.Э. Кургинян в своей объемистой работе подробно разбирает четыре составляющие системного регресса: декультурацию, деиндустриализацию, десоциализацию и дегенерацию.

Новое российское руководство постаралось в 90-е годы свести до минимума свое присутствие в экономике, культуре, социальной сфере. Последствия этой политики известны – безработица, архаизация общественных отношений, рост этнической напряженности, развал сферы культуры, упадок и ликвидация многих общественных объединений, таких, как профсоюзы, молодежные и детские организации, разрушение важных механизмов социализации человека, способов его включения в активную общественную жизнь. Одним словом, в обществе происходила системная деградация, которая с предельной откровенностью описана А.И. Солже-ницыным в публицистической работе «Россия в обвале». Разрушительные тенденции оказались намного сильнее, чем практическое утверждение новых либеральных принципов организации социальной сферы, социума в целом.

Для нового российского общества вновь стало характерно состояние раскола – экономического, социального, политического, культурного, – которое выступало отличительной чертой российского общества на протяжении последних трех столетий, если не считать

советский период. Раскол, или отход от общества, приводит к появлению массовой эмиграции из России, особенно в течение последних двух столетий. В культуре почти разрушена иерархия ценностей. Нет общественных сил, которые могли бы выстроить «работающую» в обществе иерархию ценностей, и нет символов, которые могли бы собрать и объединить людей.

В российском обществе все заметнее становятся различия между людьми, носящие сословный характер. По словам С. Кордонского, «сословия, а не классы в России были, есть и в предвидимом будущем останутся основными элементами актуальной социальной структуры». Современный аппарат государственного управления малоэффективен. Согласно данным независимых рейтинговых агентств, Россия находится в седьмом десятке развитых государств, развитых по степени эффективности управления. Много говорится о необходимости совершенствования механизма управления, недавно объявлено о новой кардинальной реформе государственного управления, а на деле во власти на всех уровнях прочно господствуют семейно-клановые группы, связанные личной преданностью и круговой порукой.

Названные и многие другие тенденции регресса общества всячески вуалируются, скрываются от массового (и не только массового) сознания, которому нелегко выработать более-менее отчетливое представление о социальной реальности.

В условиях серьезных вызовов и опасностей, нависших над нашей страной, господствующая идеология навязывает общественному сознанию гламур как особую философию беспроблемности, направленную на сокрытие всей сложности социальной реальности. Сегодня это стало особенно заметно, когда выдвинута идея нового этапа модернизации, в котором отсутствуют четкие характеристики современного российского социума. Отдельными сожалениями о делении населения страны на богатых и бедных тут не отделаешься. «Гламуризация публичной сферы, политики, культуры – еще одна ведущая тенденция социальной и культурной жизни страны последних лет». Используя гламур, страну пытаются усыпить. Пробиться к реалиям жизни через страницы глянцевого журнала, через хитроумные сплетения слов, через словесный дурман средств массовой информации просто невозможно. А там, где используются привычные слова, много преднамеренного искажения их смыслов.

Важной стороной философии гламура выступает культ потребления. В. Мартянов пишет, что «Россия сделала фундаментальный выбор своего будущего в пользу общества потребления». Насчет фундаментальности выбора, это, конечно, некоторое преувеличение. Но автор прав в том, что потребительский гламур вытесняет из сознания людей «неприятные» мысли по поводу таких сторон жизни общества, как безработица, масштабы социального неравенства, нищета, бедность, попрание человеческого достоинства и др. Намеренно формируется массовое общество потребления, как ни странно, бедных людей, которые являются к тому же работающими людьми.

В первое десятилетие нового века становится все более явным, что огромное большинство населения, с одной стороны, и правящая элита, а также примерно 20–25 % населения, тесно связанные главным образом с экспортно ориентированной частью экономики – с другой, двигаются по жизни по все более обособленным орбитам. Появилось две России – Россия богатых и Россия бедных. Поэтому сокрытие подлинной социальной реальности является для власти желанной, но далекой от осуществления задачей. Социальный раскол на бедных и богатых в российском обществе поразительно несправедлив. Ничего похожего нельзя обнаружить в развитых европейских странах. Количество долларовых миллиардеров в стране за 2009 г. возросло почти в 2 раза, а власть даже не высказала своей озабоченности по этому поводу. Впрочем, и общественность отнеслась к этому безразлично.

М.К. Горшков пишет, что примерно половина общества – люди, живущие ниже черты бедности и на грани бедности. Но социальное неравенство заключается не только в нера-

венстве доходов. Это и возрастная дискриминация, и различие в уровне и возможностях получения образования и медицинской помощи, и многочисленные проявления названной выше сословной неравноправности. Но, главное, они «не могут выступать в качестве активных участников наиболее значимых социальных практик традиционных взаимобмен. Примерно 20 % полностью лишены всякого социального капитала». Произошло выпадение огромных масс работающих людей из социальной жизни в качестве сколько-нибудь активных участников социальных практик, произошла дезинтеграция и частичный распад социума, социальной ткани общества.

«Социология власти», М., 2010 г., № 6, с. 6–15.

ШАНСЫ РОССИИ В ПОСТАМЕРИКАНСКОМ МИРЕ

Дмитрий Ефременко, доктор политических наук (ИНИОН РАН)

Советский Союз еще был жив, хотя и дышал на ладан, когда торжествующая победа в «холодной войне» Америка начала гонку триумфалистских манифестов. В одних декларировалась историческая необратимость американоцентричного миропорядка; авторы других были более осторожны, как, например, Чарльз Краутхаммер, который ограничил временной горизонт глобального доминирования США тремя-четырьмя десятилетиями. Но едва миновала половина этого срока, как аналитики и обозреватели принялись соревноваться, делая заявления с обратным знаком.

Фарид Закария, автор модной книги «Постамериканский мир», видит главную проблему не в упадке Америки, а в «подъеме остальных», что стало возможным благодаря американскому экономическому, политическому, военному и культурному лидерству. Вместе с тем он откровенно говорит об ошибках и провалах, которые привели к сокращению периода абсолютного американского доминирования после окончания «холодной войны». Книга Закарии была опубликована в первой половине 2008 г., еще до того, как разразился глобальный финансовый кризис. Но именно он стал точкой невозврата в процессе «постамериканизации». Благодаря кризису международные отношения обретают новое качество, адаптироваться к нему придется всем их участникам. В том числе, разумеется, и России.

Мир многополярный, постамериканский – это то, к чему Москва стремилась, начиная по крайней мере со знаменитого разворота Евгения Примакова над Атлантикой. Но теперь, когда желанный миропорядок становится реальностью, впору задать вопрос: а готова ли к нему Россия? Благодаря эрозии американской гегемонии открываются не только возможности, но и риски, связанные с силовым полицентризмом. Ведь после окончания «холодной войны» Россия испытывала не только горечь от приниженного положения в системе международных отношений и страх перед минимизацией ее влияния на постсоветском пространстве, но и комфортное чувство пребывания в нише крупнейшего экспортера энергоносителей. И хотя последнее можно рассматривать как признак экономической деградации и дискриминации в системе мирохозяйственных связей, Владимир Путин с успехом использовал «тучные годы» для терапевтического лечения социальных травм, вызванных посткоммунистическими трансформациями. Он также сумел сконцентрировать ресурсы, достаточные, чтобы позволить себе в Мюнхене «откровенный разговор» с западными партнерами. Теперь же эти «преимущества дискриминации» постепенно уходят, а за реализацию новых возможностей еще только предстоит бороться, и, по всей видимости, бороться упорно.

Для России американская гегемония была тягостна, неприятна, в иные моменты – едва выносима. Но все-таки стоит признать: раз уж какой-то державе было суждено на время достичь глобальной гегемонии, то в американской версии она оказалась меньшим из зол. Гегемония, исходящая от любого европейского или азиатского государства, была бы, наверное, и вовсе непереносимой. И если представить себе другой исход «холодной войны», то советская глобальная гегемония была бы, вероятно, одним из худших видов гнета, а едва ли не главной его жертвой стали бы народы самой державы-гегемона.

Об исторических уроках однополярного мира еще будут написаны целые библиотеки, но несколько выводов для международной политики наступающей эры многополярности могут быть сделаны уже теперь:

– постамериканский мир – это пока не завершённое состояние, но необратимый процесс, имеющий свои стадии;

- на следующих стадиях процесса «постамериканизации» нужно стремиться к максимальному снижению его конфликтного потенциала;
- необходимо предотвратить возникновение в будущем любой новой глобальной гегемонии, от кого бы она ни исходила;
- следует найти механизмы стабилизации многополярного мира и предотвращения «холодной войны» всех против всех.

Эти выводы не являются специфическими и тем более исчерпывающими для России. Они скорее позволяют увидеть, что в рамках нового миропорядка появятся возможности для согласования интересов самых разных акторов международных отношений. И в этом – шанс для России. Но далеко не единственный.

«Подъем остальных» как движущая сила «постамериканизации» означает появление множества национальных «историй успеха» и, соответственно, множества игроков, претендующих на значительное укрепление своего международного статуса. Но на нынешней стадии становления многополярного мира все просто заморожено Китаем. Глобальный экономический и финансовый кризис способствовал тому, что китайская модель все чаще рассматривается в качестве альтернативы «Вашингтонскому консенсусу», а обостряющееся соперничество между Китаем и Западом представляется как неизбежная схватка цивилизаций или идеологий.

Российский взгляд на Китай неизбежно будет отличаться от западного. Еще в позапрошлом веке русский философ Константин Леонтьев предостерегал: «Россия может погибнуть только двояким путем – или с Востока от меча пробужденных китайцев, или путем добровольного слияния с общеевропейской республиканской федерацией». «Пробуждения» Китая ждали и опасались у нас на протяжении десятилетий. Не случайно при всех зигзагах российской (советской) внутренней и внешней политики стремление к «нормализации отношений», а затем и к стратегическому партнерству оставалось внешнеполитической константой со времен Ю. Андропова. И нельзя не признать, что нынешний уровень российско-китайских отношений представляет собой ценнейшее достижение, которое, правда, не гарантирует от осложнений в будущем.

Сейчас, когда Китай «пробудился», рассуждения об угрозе могут быть более опасны, чем сама «угроза». В подъеме Китая следует видеть не угрозу России, а *риск*, т.е. ситуацию, в которой возможен как проигрыш, так и выигрыш. Тактический выигрыш для российского политического режима уже очевиден. Прежде всего в том, что сопоставление исторического опыта двух стран дает властям дополнительные аргументы в пользу модернизации под жестким государственным контролем: путь Дэн Сяопина был правилен, путь Горбачёва – ложен; сильно (скорее всего – безнадежно) отстав от восточного соседа, Россия возвращается на правильный путь. При этом достижения Китая меняют и шкалу политических ценностей, поскольку успех и эффективность перестают однозначно отождествляться с либеральной демократией.

Потребность в устойчивом присутствии России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) – ключевой части мира XXI в – сегодня не вызывает никаких сомнений. Поворот на восток требуется «всерьез и надолго». При этом сохраняя и наращивая преимущества добрососедства с Пекином, необходимо избежать превращения Москвы в его сателлита. Иначе говоря, фактическая слабость нынешних позиций России в АТР должна компенсироваться за счет активной политики, направленной на максимальную диверсификацию экономических и политических возможностей.

Среди причин, по которым для России предпочтителен вариант стабильного, но несколько дистанцированного партнерства с Китаем, далеко не только гигантская разность демографических потенциалов с двух сторон общей границы. Угроза китайского заселения Сибири и Дальнего Востока – это скорее «бумажный тигр», во всяком случае, в средне-

срочной перспективе. Гораздо серьезнее опасность закрепления структурного дисбаланса в двусторонней торговле, быстрого скатывания к положению ресурсного придатка новой «всемирной мастерской». Однако выход из сырьевой ниши – это важнейший вопрос модернизации российской экономики, а не только торговых отношений между Москвой и Пекином.

Пожалуй, самая серьезная проблема, из-за которой России следует избегать слишком тесной привязки к китайскому локомотиву – это его скорость. Казалось бы, поддерживаемые уже не первое десятилетие двузначные (или близкие к двузначным) темпы экономического роста являются именно тем, чего нам так не хватает для успеха модернизации. Но чем дольше длится китайское экономическое чудо, тем больше нарастают экономические, социальные и региональные диспропорции, и тем более опасными могут быть последствия резкого торможения. Соответственно, для России усиливается актуальность поиска страховочных механизмов, запасных вариантов и новых возможностей.

Прежде всего, важно сохранять позицию открытости к более тесному сотрудничеству с Японией как в сферах экономики и научно-технической деятельности, так и в вопросах региональной безопасности. Однако неурегулированность территориального спора не позволяет видеть в сотрудничестве с Токио противовес китайскому фактору. Более многообещающей может стать интенсификация связей с региональными акторами второго порядка – Южной Кореей, Тайванем, Вьетнамом, Индонезией и другими странами АСЕАН. Ни одна из этих стран в одиночку неспособна служить альтернативой континентальному Китаю, но в совокупности их можно рассматривать как множество потенциальных опорных точек на периферии Срединной империи.

В общеазиатских масштабах ценнейшим партнером является Индия. Отсутствие конфликтного потенциала и восходящая к истокам индийской независимости традиция дружественных двусторонних отношений составляет прочную основу стратегического взаимодействия Москвы и Дели в XXI в. Однако есть и трудности, главным образом психологического характера. В России еще не вполне освоились с тем, что Индии уже не пристало быть ведомой, что по ряду ключевых показателей страна способна стать равновеликим партнером, а в скором будущем – более мощным полюсом постамериканского мира, чем Россия. Но в любом случае Дели как раз тот самый собеседник, с которым в числе первых следует обсуждать и растущую китайскую мощь, и любую другую серьезную проблему Евразии. При этом надо учитывать, что в Индии с ее опытом военного конфликта 1962 г. подъем Китая вызывает большую настороженность, чем в России, которая сумела урегулировать пограничные проблемы с КНР.

Российская стратегия «поворота на Восток» должна в полной мере учитывать американское влияние в АТР. США и Россия осознают ключевое значение региона для их будущего в XXI в., равно как и отсутствие здесь сколько-нибудь серьезного конфликта интересов двух сторон. И если говорить о расстановке сил и тенденциях региональной безопасности, то надо признать, что и военное присутствие Соединенных Штатов в АТР вовсе не противоречит российским интересам. Ситуация здесь существенно отличается от обстановки на западных и южных рубежах России, где укрепление позиций США и НАТО представляет собой как минимум фактор дискомфорта. Во всяком случае, Москве едва ли имеет смысл вливаться в число энтузиастов лозунга «Окинава без американцев», который столь неудачно пытался воплотить в жизнь бывший японский премьер Юкио Хатояма.

Сказанное не означает, что России следует очертя голову формировать вместе с Америкой новые схемы региональной безопасности, в которых Пекин неизбежно усмотрел бы угрозу своим интересам. Важно видеть грань между поиском оптимального для Москвы баланса сил и созданием реальных или виртуальных антикитайских коалиций, участие в которых для России недопустимо. В то же время именно раскрытие потенциала россий-

ско-американ-ского взаимодействия в АТР могло бы стать основанием для будущих отношений между Москвой и Вашингтоном, для сохранения и развития крайне хрупких результатов «перезагрузки».

Звучит иронично и одновременно банально: державой № 1 постамериканского мира остаются Соединенные Штаты Америки. Ослабление американского могущества продолжается, но не следует думать, что этот процесс бесконечен. Во-первых, неуклонный подъем основного конкурента – Китая – также не предопределен. Во-вторых, даже если вторая волна кризиса нанесет новый, еще более мощный удар, можно ожидать, что Америка в конце концов выкарабкается на более или менее стабильное плато и дальнейшее (относительное) снижение ее глобальной роли приостановится. С другой стороны, проблемы США как нисходящей сверхдержавы поистине глобальны, поскольку любой вариант их решения будет иметь последствия для всего мира. Кризис показал не просто зависимость всех остальных стран от Америки как международного центра финансового могущества и главного источника дестабилизации мировой экономики, но и огромную социальную цену, которую придется рано или поздно заплатить *всем* за санацию этой системы.

Вполне понятно стремление России не платить за оздоровление американоцентричной глобальной экономики больше, чем требуется. Уже одно это соображение – стимул к конструктивному участию во всех международных институтах и механизмах антикризисного управления. Москва заинтересована и в том, чтобы способствовать «мягкой посадке» Вашингтона в постамериканский мир, предотвратить стратегически безнадежные, но рискованные для России попытки восстановить ускользающую глобальную гегемонию Соединенных Штатов. Не менее важно создать в обозримом будущем благоприятные предпосылки для конструктивного и стабильного партнерства с США.

По всей видимости, перезагрузка как важный внешнеполитический проект администрации Барака Обамы составляет один из компонентов комплексной переоценки глобальной роли США в контексте мирового кризиса. Всем, очевидно, было понятно, что в XXI в. совсем не Россия будет представлять для Америки основную проблему. Но чем же обернулась перезагрузка на деле?

С началом глобальных экономических потрясений многие в России с торжеством возвестили «закат Америки», тогда как в самой Америке немало обозревателей приветствовали «падение России с небес на землю». Таким образом, поначалу перезагрузка немногим отличалась от российско-американских интеракций постсоветской эпохи, характеризующихся столкновением ресентимента с высокомерием. Между тем в результате кризиса обе страны оказались в рядах проигравших, и именно это обстоятельство должно было стать реалистичной основой для диалога на основе баланса интересов. Но и здесь ситуация оказалась парадоксальной.

Например, С. Караганов вместе с рядом коллег из Совета по внешней и оборонной политике сформулировал весьма радикальную программу «большой сделки» – компромисса, нацеленного на нахождение баланса интересов России и Соединенных Штатов. По всей видимости, к ней с пониманием отнеслись близкие к администрации Обамы сторонники реалистического подхода, а динамика двусторонних отношений весь последний год создавала впечатление, что стороны *негласно* следуют основным параметрам «большой сделки». А именно: Россия конструктивно подходит к американским интересам в различных регионах Азии и проявляет сдержанность на постсоветском пространстве, а США, в свою очередь, не предпринимают попыток еще больше ослабить позиции России в странах СНГ и создать еще более дискриминирующую ее архитектуру безопасности в Европе. Но именно негласно. На официальном уровне эти параметры невозможно даже облечь в словесную форму, не говоря уже об их переводе в статус комплексных формальных договоренностей.

В результате даже после подписания Пражского договора СНВ-3 и поддержки Россией санкций против Ирана в Совете Безопасности ООН все по-прежнему выглядит как избирательное улучшение двусторонних отношений. Каждый, пусть даже незначительный, шаг по пути перезагрузки сопровождается заявлениями или действиями, призванными сгладить их эффект, продемонстрировать локальный характер, доказать, что Вашингтон по-прежнему следует курсу на «продвижение демократии» и отвергает любые претензии на «сферы влияния», от кого бы они ни исходили. Но если перезагрузка пока несколько не повлияла на доминантный дискурс двусторонних отношений, едва ли стоит удивляться, что при первом же серьезном внутривнутриполитическом повороте в Америке почти весь достигнутый позитив может быть скомкан, а то и вовсе отброшен в угоду электоральным перспективам одной из влиятельных групп политического истеблишмента.

Значит ли это, что идеи перезагрузки или тем более «большой сделки» в принципе неработоспособны? В качестве селективного подхода перезагрузка едва ли может рассчитывать на успех, но если под ней понимать кропотливую и целенаправленную работу по формированию устойчивой основы российско-американских отношений в XXI в., то у нее неплохие шансы. В этом смысле азиатский фокус поиска взаимного баланса интересов может иметь решающее значение. Однако сам этот баланс должен в конечном счете зафиксировать изменение общего соотношения сил, в котором Соединенные Штаты – все еще наиболее мощная держава постамериканского мира, а Россия – один из полюсов нового мирового порядка. Политические следствия такого баланса интересов должны быть вербализованы, *проговорены* на самом высоком политическом уровне, а затем и трансформированы в совокупность формальных и неформальных обязательств.

Насколько далеко могут (и должны) идти эти обязательства? Основным контекстом выстраивания российско-американского партнерства является возвышение Китая и возникающая в связи с этим новая сфера близости интересов России и Америки. Учитывая «низкий старт» двусторонних отношений, Москва заинтересована в том, чтобы в обозримой перспективе уровень ее партнерства с Вашингтоном оказался сопоставимым с нынешним уровнем российско-китайских отношений. Но если двигаться в этом направлении дальше, то плюсы все быстрее начнут меняться на минусы, и Россия окажется втянута в игру, в которой в лучшем случае останется на вторых ролях, а в худшем – превратится из игрока в фигуру, которой основные игроки при случае могут и пожертвовать.

По всей видимости, во втором десятилетии XXI в. разговоры об интеграции России в НАТО или какую-либо другую форму военно-политического союза с участием США и стран Европейского союза будут только активизироваться. Пока такие разговоры далеки от конкретики, но они начались, и начались неслучайно. Суть динамики процесса можно понять и по характеру обсуждения проекта Договора о европейской безопасности (ДЕБ), предложенного президентом России. Саму идею не решился отвергнуть никто, и в Москве уже третий год слышат вежливые заявления о намерении «тщательно изучить» и «всесторонне рассмотреть». Несколько реже звучат фразы о принципиальной поддержке предложенного Договора и о солидарности с его базовым постулатом о неделимости европейской безопасности. «Изучение» проекта может продолжаться неопределенно долго, если только в какой-то момент партнеры в Вашингтоне и Брюсселе не захотят обнаружить, что Договор, в сущности, предлагает единую систему безопасности не только для Европы, но и для индустриально развитого Севера в целом, и исключает из этой системы Китай и другие страны быстро развивающегося Юга.

Вероятно, что кошмарный сон российской внешней политики – дальнейшее расширение НАТО на восток – так и не станет явью. В принципе, в этом состоит основное достижение мюнхенского курса Владимира Путина, хотя скорее всего экспансия альянса на постсоветском пространстве окончательно утратит актуальность в контексте общей динамики

«постамериканизации». Проект ДЕБ также призван блокировать расширение НАТО, но если это произойдет, то лишь как международно-правовая фиксация *fait accompli*. Следовательно, это уже не тот приз, за который стоит платить любую политическую цену. Гораздо важнее сама возможность равноправного участия в определении правил игры и в вопросах европейской безопасности, и в том, что касается более широкого спектра отношений в Большой Европе.

С Европой связаны фундаментальные интересы России. Но ситуация здесь почти патовая. Похоже, что чем дальше Россия и Европейский союз взаимодействуют, тем больше их взаимное отчуждение. Сам институциональный дизайн ЕС фактически блокирует сколь угодно существенное сближение с Москвой. И ожидать качественных прорывов в отношениях между Россией и институтами Евросоюза (если, конечно, не относить к числу прорывов велеречивые декларации о партнерстве и долгосрочные планы действий) в ординарных обстоятельствах едва ли приходится.

Хуже всего то, что участие в Европейском союзе неизбежно ограничивает свободу политического маневра отдельных его членов, включая и самых мощных, с которыми Россия стремится развивать привилегированные отношения на двусторонней основе. В этих условиях особое значение имеет способность Москвы максимально использовать возможности, связанные с перемещением центра глобальной финансовой и индустриальной мощи в АТР. Только утвердившись там в качестве активного и влиятельного игрока, Россия сможет более уверенно вести диалог с другими европейскими странами. И главное: российские территории к востоку от Урала должны быть задействованы в качестве резерва национального развития, а не пространства демографического и индустриального вакуума.

В конце концов ничто не вечно, включая и застой в отношениях Россия – Евросоюз. И в этом смысле важно не отворачиваться от еэсовской машины, а продолжать разговор и с ее функционерами, и с европейской общественностью, той силой, от выхода которой на политическую арену Юрген Хабермас и Жак Деррида относительно недавно ожидали «второго рождения Европы». Надежды двух философов оказались преждевременными. Но европейская публичная сфера все-таки играет очень важную роль в том, что касается определения ситуации, буквально соответствуя теореме Томаса: «Если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям». Интересам России могла бы соответствовать фиксация того, что Европейский союз неравнозначен Европе и что другая архитектура Большой Европы возможна.

Даже если Россия определяет свою собственную роль как участие в «подъеме остальных», то открытость к широкому диалогу с отдельными странами ЕС и с Евросоюзом в целом должна сохраняться. Особенно важна способность генерировать нестандартные идеи и ходы, задающие направления дискуссии. В этом смысле можно только приветствовать идею «Союза Европы», которую намерен продвигать С. Караганов. Будучи весьма проблематичной в качестве конечной цели, она очень важна процессуально, поскольку может серьезно расширить пространство маневра для России, государств – членов Европейского союза, других европейских или полуевропейских стран.

При обсуждении перспектив России в многополярном мире нельзя обойти вниманием и аргументы более общего порядка. Зигмунт Бауман, анализируя динамику модерна в начале XXI в., обращается к термину «междоцарствие» (*Interregnum*), с помощью которого Антонио Грамши описывал ситуацию ожидания радикальных перемен, вызванных социальными потрясениями эпохи Великой депрессии. Грамши вкладывал в это понятие особый смысл, имея в виду приближение одновременных и глубоких изменений социального, политического и юридического порядка. Сегодня, как и во время заточения Грамши в туринской тюрьме, многие глобальные концепции, институты и механизмы демонстрируют прогрес-

сирующую дисфункциональность. В то же время полноценной замены этим столпам современности пока не видно.

Процесс «постамериканизации» также вписывается в эту картину «междущарствия», но не исчерпывает ее. На кону нечто большее. Несколько успокаивающий термин Ф. Закарии «подъем остальных» на деле означает, что 500-летний «момент однополярности» западной цивилизации близится к завершению. При этом с каждым днем множатся факты, опровергающие представления о некоей единой и неповторимой европейской (западной) версии модерна.

Как известно, теория множественности модернов была выдвинута Ш. Эйзенштадтом. Он подчеркивает, что структурная дифференциация неевропейских обществ совсем не обязательно воспроизводит европейскую модель. По его мнению, европейская модель стимулирует появление различных институциональных и идеологических паттернов за пределами Европы. При этом «наилучший путь понимания современного мира... состоит в рассмотрении его как повествования о непрерывном конституировании и реконституировании разнообразия культурных программ». В контексте теории Эйзенштадта метафора междущарствия могла бы означать, что западная версия модерна в основном исчерпывает свою миссию «перенастройки» незападных культурных программ и вступает в период сосуществования и конкуренции с другими, возникшими на основе этих программ версиями модерна. Но это сосуществование означает ни больше ни меньше, как признание плюрализма ценностей, институтов и моделей политического устройства вслед за признанием плюрализма культурных программ.

Динамика системы международных отношений воспроизводит многочисленные манифестации тех же самых сдвигов. Достаточно указать на феномен БРИК и, в частности, на быстрый переход российских руководителей от гордости за почти полноправное членство в западном клубе *G8* к энтузиазму соучредителя клуба, в который входят новые лидеры глобального экономического роста. Активность России в этом качестве принимается далеко не всеми, хотя среди тех, кто наиболее жестко ставит под сомнение обоснованность присутствия России в БРИК, по странному стечению обстоятельств почти не звучат голоса из Китая, Индии или Бразилии. Стоит отметить, что автор термина «мягкая сила» Д. Най, крайне сдержанно отзывающийся о феномене БРИК в целом, умалчивает, что эта конструкция, даже оставаясь преимущественно виртуальным объединением, уже становится новым источником «мягкой силы», начинает продуцировать и консолидировать нормативную власть. Нормативное послание БРИК выражается не только в отстаивании вестфальских принципов суверенитета и стремлении к многополярности, но в принципиальном признании плюрализма ценностей, культурных программ и моделей политического устройства. В сущности, нормативное послание БРИК есть перевод теории множественности модернов Эйзенштадта на язык глобальной политики.

Процесс становления постамериканского мира побуждает корректировать преобладающие концептуализации международных отношений. Один из вариантов корректировки состоит в том, чтобы отделить качественные характеристики международного порядка от изменения глобальной роли США. Так, Д. Айкенберри готов говорить лишь о «кризисе успеха» западного проекта модерна, но не о кризисе представлений о его единственности и неповторимости. Согласно этой логике, движущей силой единого проекта модерна выступает общий интерес ведущих международных акторов к воспроизводству либерального порядка, который, по крайней мере теоретически, приносит блага всем и каждому. При этом получается, что, согласно Айкенберри, потребности и интересы незападных держав могут быть удовлетворены благодаря еще большему распространению принципов и практик западного либерализма.

Международный порядок – вещь инерционная, и в условиях «междоусобицы» трудно ожидать его быстрого переформатирования. Скорее всего, многие устойчивые глобальные взаимозависимости в сферах безопасности, торговли, финансов и охраны окружающей среды будут трансформироваться гораздо медленнее, чем изменение экономического и политического веса ведущих глобальных игроков. Однако фундаментальной особенностью либерального международного порядка является установление иерархических отношений, которое в долгосрочном плане несовместимо с «подъемом остальных».

Неудивительно, что реакция западного экспертного сообщества на возвышение незападных держав характеризуется растерянностью и даже алармизмом, когда в этих государствах видят представляющих угрозу чужаков. В то же время раздаются призывы рассматривать усиливающиеся страны незападного мира как «нам подобных», нуждающихся в социализации и в обучении правилам. Как отмечает Тим Данн, в контексте современной международной политики обе стратегии, по сути, постулируют безальтернативность западной версии модерна, причем такой подход останется востребованным даже несмотря на его прогрессирующую неадекватность.

Означает ли это, что и Россия «обречена» адаптироваться к постамериканскому миру, упорно сохраняя верность догме о сингулярности модерна? Оправданно ли в эпоху «междоусобицы» форсировать цивилизационный выбор, или по крайней мере связывать себя жесткими внешнеполитическими обязательствами, которые свидетельствовали бы о приверженности западной версии модерна?

Вопрос не в том, что цивилизационный выбор в пользу Запада невозможен или неприемлем, а либеральные ценности на российской почве прорастают какими-то уродливыми сорняками. Одной из причин взаимного разочарования России и Запада было как раз то, что зона совпадения или близости ценностей очень велика, тогда как различия казались в конечном счете преодолимыми. Но в итоге в России сформировалось стойкое убеждение, что дискуссии о ценностях направлены на подрыв российских интересов, тогда как многие на Западе от неоправданных иллюзий периода горбачёвской перестройки и ельцинских реформ перешли к уверенности в «неисправимости» России. В этих условиях единственным конструктивным решением может быть перевод политических дискуссий на язык интересов; споры о ценностях лучше оставить для научного сообщества и активистов неправительственных организаций.

Хотя 20-летие распада СССР уже не за горами, преждевременно говорить о том, что в России сформировалась новая политическая нация, а посткоммунистические трансформации окончательно завершены. Сам факт провозглашения линии на модернизацию свидетельствует по крайней мере о частичной неудаче всей постсоветской социально-экономической политики, основной вектор которой даже в период воссоздания «вертикали власти» оставался либеральным и вестернизаторским. Ясно, что требуется поворот, серьезная коррекция курса. И если уж решено называть этот поворот «модернизацией», то следует исходить из того, что модернизация в эпоху междоусобицы модерна должна быть сугубо прагматическим действием.

В сущности, это все та же кошка Дэн Сяопина, единственным значимым качеством которой является эффективность в ловле мышей, а не соответствие стандартам породы западного модерна. Если экономика России, ее государство и общество начнут «ловить мышей», то локализация российского модерна в *созвездии современностей* не заставит себя ждать, а вопрос о его совместимости с западной версией модерна может затем сколь угодно долго оставаться предметом академической дискуссии.

В конечном счете речь идет о том, чтобы во втором десятилетии XXI в. Россия выработала эффективную модель решения социальных и экономических проблем, используя при этом в интересах своего внутреннего развития новые возможности, открывающиеся в кон-

тексте становления постамериканского мира. Россия слишком долго пребывала на периферии западной цивилизации, чтобы теперь, на излете ее доминирования, присоединиться к ней и делить ответственность за все ее грехи. В конце концов у России слишком много своих собственных грехов. Главное же, Россия обнаруживает, что у нее есть выбор, что заповедь Владислава Суркова «не выпасть из Европы, держаться Запада» не означает отказа от участия в «подъеме остальных» и формировании институтов и механизмов нового миропорядка. А появление такового будет свидетельствовать о завершении эпохи междуцарствия модерна.

Будучи крупнейшим осколком Советского Союза, Россия объективно все еще имеет немало оснований претендовать на статус одного из полюсов в многополярном мире. Однако общая динамика на протяжении двух последних десятилетий в случае России была понижательной, а для периода 1990-х – обвальной. Даже стабилизация и нефтегазовый бум в период президентства Владимира Путина пока могут рассматриваться лишь как временное торможение на крутом спуске вниз. Иными словами, Россия по инерции остается одним из полюсов мировой политики, но сохранение в этом качестве потребует от российской власти способности привлекать все больше дополнительных ресурсов.

Вполне вероятно, что вскоре мы услышим голоса, настаивающие на новом понижении позиции России во всемирной табели о рангах. В качестве аргументации будет предъявлена непозволительность затраты значительных ресурсов на сохранение высокого международного статуса, а также то, что вхождение в зону притяжения какого-то другого полюса позволит оптимизировать риски существования в турбулентном многополярном мире. Отвергать эту позицию только потому, что Россия должна быть великой, могучей и никакой иной, по меньшей мере недальновидно. При определенных обстоятельствах у нас в самом деле может не оказаться другого выбора. Но несомненно, что любая власть в России должна стремиться к предотвращению подобной ситуации.

У России имеются и специфические основания к удержанию статуса одного из полюсов многополярного мира. Многовекторность и высокая маневренность российской внешней политики в нынешних условиях выступают важными механизмами компенсации слабостей, обусловленных структурой экономики, демографической динамикой, низким качеством управления, коррупцией и технологическим отставанием. Однако помимо решения тактических задач, маневренности требуется и «сверхзадача»: не принадлежать к первой тройке основных центров силы постамериканского мира, Россия должна быть тем полюсом, полномасштабное партнерство с которым способно обеспечить несомненный и решающий перевес для любого из основных центров силы.

Но опять-таки: все эти преимущества могут проявиться и сохраняться до тех пор, пока Россия остается самостоятельным центром силы многополярного мира, имеющим свободу маневра и открытым для развития партнерских отношений с самыми разными глобальными игроками. Как только Россия окажется вовлеченной в какие-либо жесткие союзы или интеграционные механизмы с участием более мощных центров силы, преимущества будут утрачены. Получается, что Россия должна быть везде и ни с кем.

Сохранение за Россией статуса самостоятельного глобального игрока, даже если для этого потребуются привлечь серьезные дополнительные ресурсы, окажется менее затратным и рискованным, чем вхождение в зону притяжения одного из более мощных полюсов. В последнем случае затраты ресурсов и риски будут обусловлены усиливающимся внутренним напряжением, вызванным необходимостью удерживать развитие страны в русле, общее направление которого задано извне. Вполне понятна логика сторонников этого подхода, стремящихся через жесткие международные обязательства подтолкнуть запаздывающие внутренние изменения. К сожалению, более реален сценарий, при котором подгоняемые под импортный шаблон внутренние изменения приведут к новой волне имитации институ-

циональных практик правового государства и к запуску цепной реакции вполне реальных дестабилизирующих сдвигов в сфере межнациональных и федеративных отношений.

Совокупность возможностей, открывающихся перед Россией в процессе становления постамериканского мира, должна быть использована для создания благоприятных условий внутреннего развития страны, а не для их усложнения, связанного с вовлеченностью в жесткие союзы и поспешной ориентацией на одну из нескольких актуальных версий модерна. В то же время российское общество нуждается в подлинной открытости миру, в широком диалоге с носителями самых разных культурных программ, в готовности воспринимать извне все, что может способствовать практическому решению внутренних проблем. То, что действительно имеет высокую цену в эпоху многополярности – это свобода выбора. Не только выбора стратегических партнеров, но также путей и методов модернизации и даже образа желаемой современности.

«Россия в глобальной политике», М., 2010 г., сентябрь-октябрь, с. 8–22.

ИММИГРАНТЫ, РОССИЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ И ВЛАСТЬ: СПЕЦИФИКА ВЗАИМОТНОШЕНИЙ

Марат Пальников, кандидат экономических наук (ИНИОН РАН)

Исследование взаимного влияния российского социума и иммиграции, а также сравнение выявленных тенденций с аналогичными европейскими обнаруживают как схожие черты, так и немало существенных отличий.

Не учитывая данное обстоятельство трудно, например, понять, почему при столь же (если не более) интенсивной иммиграции в России не случилось ничего близкого по своим масштабам к событиям во Франции в октябре 2005 г. Хотя в РФ одновременно мигрировали из зон вооруженных конфликтов и этнических чисток как те, кого «чистили», так и те, кто эти «чистки» осуществлял, провоцируя появление многочисленных пар потенциально конфликтующих между собой этносов. Почему, несмотря на наличие фиксируемых социологами достаточно высоких уровней ксенофобии в различных слоях принимающего общества, в России отсутствует националистическая партия, подобная Союзу за будущее Австрии покойного Йорга Хайдера, Швейцарской народной партии или самой известной из таких организаций Национальному фронту Лё Пена во Франции? Почему в России при всем желании властей выглядеть демократичными политкорректность и толерантность все же предпочитают не воспитывать, а прививать силовыми методами? Почему в Западной Европе борьба иммигрантов за свои права часто носит религиозную окраску, тогда как в России она принимает форму достаточно вялых протестов против поборов со стороны милиции и чиновничества?

Вопросов много и поиск ответов на них приводит к выводу, что существенные характеристики и взаимообусловленность рассматриваемых аспектов миграционного процесса отличаются в России особой спецификой, связанной в первую очередь с наследием, доставшимся ей от советского прошлого.

Как известно (ст. 70 Конституции СССР), Советский Союз был единым многонациональным государством, образованным на принципах социалистического федерализма, возникшим в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных республик. Вследствие этого он отличался наличием множественных связей между населявшими его народами, полностью разрушить которые вряд ли могло даже такое катастрофическое событие, как последовавший в 1991 г. распад единого союзного государства.

Множественность таких связей подтверждалась на государственном уровне и проявлялась в том, что в столице союзного государства г. Москве постоянно проживали представители всех союзных республик, образуя национальные кадры: работники центрального партийного и государственного аппаратов; депутаты Верховного Совета; сотрудники постоянных представительств союзных республик при Совете Министров СССР; ученые, работавшие в президиуме и головных институтах союзной академии наук; профессора, преподаватели, аспиранты, студенты и стажеры высших учебных заведений; многочисленные снабженцы, обеспечивавшие рабочие контакты между смежными предприятиями, расположенными в РСФСР и в союзных республиках. А занятых в сфере образования и науки выходцев из других союзных республик вообще можно было встретить в России практически везде.

Еще одну категорию «земляков» составляли те, кто трудился здесь по собственному выбору, не будучи специально командированными работниками, занимаясь, например, строительством, сезонными сельскохозяйственными работами и т.д.

Не все эти выходцы из союзных республик были готовы после крушения Союза вернуться на свои исторические родины, предпочитая сохранить то, что они имели в России. И именно они могли становиться теми конкретными людьми, к кому за помощью и поддержкой в сложных жизненных ситуациях обращались беженцы, вынужденные переселенцы и трудовые мигранты. Образованная ими среда могла служить потенциальным источником появления лидеров формировавшихся диаспор.

После распада СССР более многочисленные связи с окружающим социумом сохранились у давно сложившихся в России диаспор ряда титульных народов ближнего зарубежья. Дело в том, что здесь давно, нередко на протяжении веков, шло формирование национальных диаспор выходцев из Грузии и Армении, а также ряда других государств. Их устойчивое развитие в сочетании с вращением в русскоязычную среду в советское время было дополнено и усилено большим количеством смешанных браков, в процентном отношении превосходившим аналогичные показатели западных стран. Так, среди жителей Москвы заметную часть населения составляют лица неславянских национальностей, которые уже давно такие же москвичи, как и все остальные: многие из них окончили здесь вузы, женились на москвичках, их дети и внуки – коренные москвичи. Длительное проживание указанных исторических или «классических» диаспор бок о бок с российским социумом, их тесные деловые и матримониальные связи с ним, вхождение наиболее видных представителей общин в состав местных элит не могли не способствовать превращению этих исходно иноязычных общин в новые по своей сути образования, чья «первичная» идентичность оказывалась в итоге достаточно размытой.

В новых условиях они были скорее лояльны по отношению к России и должны были требовать толерантности как от собственного подрастающего поколения, так и прививать ее принимаемым в свои ряды новым иммигрантам, помогая им в адаптации и последующей интеграции в российское общество. Эти общины российских в своем большинстве граждан также выделяли из своей среды не только лидеров будущих национально-культурных организаций, но и тех, кто теперь входит в высшие эшелоны исполнительной и законодательной власти, лоббируя именно там интересы своих соотечественников, а не митингуя по этому поводу на улицах. В целом классические диаспоры наименее склонны к социальному взрыву ради поддержки приезжающих на временные заработки соотечественников и даже ради тех, кто переезжает в Россию на постоянное место жительства, хотя в форсмажорных обстоятельствах этого нельзя полностью исключать. Но для них интересы их собственных, аккультурированных общин в конечном счете оказываются гораздо ближе, чем интересы культурно отличных от них новых переселенцев и временных трудовых мигрантов.

Для понимания природы различий между иммиграцией в Западную Европу и иммиграцией в Россию не менее существенно то, что Советский Союз представлял собой уникальное в своем роде не только многонациональное, но и поликультурное государство, в котором «национальные по форме и социалистические по содержанию» культуры, даже самых малочисленных народов, сохраняли самобытные многовековые традиции. Талантливые представители национальных меньшинств становились звездами советской культуры, науки, спорта. Исторически сложившееся на этой основе взаимное уважение представителей различных культур, фактическое признание самих культур равными друг другу – все это с течением времени способствовало формированию определенного общего менталитета. Благодаря близости культур бывшие советские народы на протяжении почти всех 90-х годов сохраняли многое от их прежней советской «внеэтнической» тождественности, своего рода интернационального родства, несмотря на разделившие их государственные границы. Отмеченные факторы, особенно на первых порах, продолжали оказывать свое влияние на характер взаимоотношений между иммигрантами и принимающим обществом, смягчая сложные процессы их взаимной адаптации. Российские власти стремились сохранить эту атмосферу

единого культурного пространства, формируемого многообразием культур, привлекая с этой целью к сотрудничеству национально-культурные организации диаспор.

Важной особенностью России является ее географическое положение. Находясь на стыке Европы и Азии и исторически принадлежа к европейской культуре, Россия вместе с тем впитала в себя немало «восточного», что не могло не облегчать адаптацию иммигрантов из стран Востока к непривычным для них, подчас шокирующе необычным условиям жизни, особенно для тех, кто из обстановки традиционного сельского общества попадал в современную урбанизированную среду. При всем неизбежно разрушительном влиянии урбанизации на традиционное общество в российском социуме – и в русском и среди других народов России – сохранились многие черты традиционализма, и это не могло не воспроизводить для иммигрантов хотя бы некоторые привычные для них условия жизни. В этой связи следует подчеркнуть конфессиональное разнообразие российского общества. Так, иммигрантам-мусульманам не нужно было столь же настойчиво бороться за то, чтобы для них создавались молельные места и возводились мечети, добиваться равных прав для исповедуемой ими религии, как это подчас происходило на Западе, поскольку в состав Российской Федерации исторически входило немало национальных образований, в которых основной религией является ислам и которые активно способствовали строительству мечетей везде, где жили мусульмане.

Географически Советский Союз был единой территорией. В отличие от Запада, где присутствовал фактор географической удаленности метрополий от заморских территорий и, следовательно, определенной отстраненности друг от друга, Россия как «метрополия» была неотделима от остальных республик, и граждане разных национальностей, независимо от места проживания, чувствовали себя гражданами единой великой страны. Возможность мигрировать на громадные расстояния только усиливала чувство единства, одновременно способствуя процессу расселения населения по территории страны, его смешения и интеграции. Даже вдалеке от родного дома всегда можно было рассчитывать на встречу с бывшими земляками, и эта особенность сохранилась и после распада Союза.

Разумеется, говоря об иммиграции, нельзя недооценивать значение русского языка в качестве языка межнационального общения. На нем происходило общение не только русских с иммигрантами, но и мигрантов разных национальностей. Со времен Российской империи, но особенно в советский период, в национальных республиках шло формирование местной интеллигенции, включавшей преподавателей русского языка, литературы, истории и других школьных и вузовских предметов, журналистов русскоязычных изданий, работников издательств, учебной и художественной литературы, артистов местных театров, лиц иных профессий, связанных с русским языком, которые выступали в роли носителей и распространителей русской (российской) ментальности. В случае переезда в Россию эти иммигранты были способны быстро и безболезненно интегрироваться в российское общество. Оставаясь на местах, они могли играть важную роль в ознакомлении молодежи, намеревающейся иммигрировать в Россию, с русским языком и русской культурой, прививать им хотя бы элементарные навыки поведения в русскоязычной среде, тем самым внося важный вклад в нормализацию межэтнических отношений.

Именно они, как никто другой, способны противостоять потокам лжи и клеветы, изобретаемым местными националистами с целью опорочить значимость исторического вклада русских и русскоязычных граждан многих поколений в развитие экономики и культуры бывших союзных республик, убедить тех, кто едет в Россию, что они едут не в страну «бывших оккупантов» и потому не должны настраиваться на жесткий стиль поведения по отношению к ее жителям.

Еще два фактора внесли свой вклад в поддержание взаимной толерантности. Во-первых, в Россию следовали иммигранты с более высоким, в среднем, уровнем образования,

чем это было в Западной Европе в 60–70-х годах. Во-вторых, мигранты нехристианских конфессий, в особенности ислама, относились к менее фундаменталистским ответвлениям этой религии в сравнении с мигрантами в Западную Европу из арабских стран Северной Африки и Азии. В конечном счете за российским социумом и за прибывавшими в Россию иммигрантами из стран Центральной Азии и Закавказья стоял богатейший, многовековой опыт мирного сосуществования православия и ислама.

Таким образом, можно констатировать, что в качестве наследства и российский социум, и иммигрировавшие в Россию представители титульных наций бывших союзных республик получили от Российской империи и Советского Союза определенный запас толерантности, основанный на прежних, как имперских, так и советских, ценностях. Именно этот «запас прочности» и позволил России в период хаоса, порожденного сменой эпох, избежать крупных межнациональных конфликтов и серьезных осложнений в отношениях с бывшими союзными республиками. В этой связи можно высказать предположение, что если в западноевропейском социуме политкорректность и толерантность прививались населению по ходу развития событий с использованием законодательных мер, то в России они носили достаточно глубокий имманентный характер, будучи результатом длительного исторического опыта совместного проживания.

Однако нужно учитывать, что толерантность в отношениях – нематериальная субстанция, требующая постоянного поддержания не только с помощью законодательства и политических мер, но и с помощью человеческого разума и убеждения. Когда наследие взаимной терпимости начинает утрачиваться, ее отсутствие заменяется политкорректностью, вместо толерантности возникает интолерантность.

В долгосрочном плане влияние отмеченных выше факторов наследия советской цивилизации, способствовавших относительно бесконфликтной адаптации иммигрантов к принимающему социуму, не приходится преувеличивать – с течением времени оно может ослабевать или же вообще сходить на нет. Но в начальные годы массовой иммиграции (конец 80-х – начало 90-х годов) эти факторы играли важную роль в смягчении прежде всего конфликтных ситуаций и были характерны именно для России, практически отсутствуя в Западной Европе, которая вырабатывала свои методы разрешения противоречий между принимающим обществом и иммигрантами.

Первые признаки зарождения ксенофобии как социального и массового явления, а не как события на индивидуальном или бытовом уровне, появляются на окраинах Советского Союза в 60–70-е годы XX в., когда в национальных элитах ряда союзных республик зреют планы самостоятельного, независимого развития и появляется стремление полностью взять в свои руки власть. Начинается процесс «выдавливания» русских и русскоязычных сограждан с занимаемых ими постов и рабочих мест, сначала не особенно заметный, поскольку по времени он совпадает с активизацией миграционных процессов – отъездом русскоязычных специалистов и квалифицированных рабочих на «стройки века» в Сибирь и на Дальний Восток и с возвращением оттуда тех, кто либо отработал, либо отслужил положенный срок. Но уже в этих общих потоках мог иметь место обмен мнениями о причинах вынужденного отъезда, могли вспоминаться иные причины для обид, т.е. могли закладываться основы для вызревания будущих ксенофобских настроений.

В дальнейшем, в годы горбачёвской «перестройки», когда процессы отделения республик дополнились вооруженными конфликтами и «этническими чистками», причин для появления ксенофобии и отчуждения становится все больше. С конца 80-х годов по стране, особенно по центральноазиатским и закавказским республикам, прокатывается волна вооруженных конфликтов, нередко со значительными людскими потерями. Теперь вынужденное переселение, а в ряде случаев откровенное выдавливание русских и русскоязычных становятся массовыми. Их причинами послужили:

– собственно вооруженные конфликты, приведшие к многочисленным жертвам среди русскоязычного населения;

– усилившаяся под влиянием процессов суверенизации политизированность титульного населения республик, выражавшаяся в появлении и быстром развитии общественных движений и партий националистического толка, разжигавших антирусские настроения и межнациональную рознь;

– сопутствующий всплеск националистических проявлений на бытовом уровне, оказывавший существенное влияние на психологическое состояние русскоязычного населения и побуждавший его покидать места обитания из-за антирусских, ксенофобских выступлений;

– дискриминация русскоязычных на этнической почве в вопросах приватизации; поскольку большинство из них составляли промышленные рабочие, они, как и в России, при разделе государственной собственности оказались отодвинутыми на второй план, что стало важной причиной ухудшения их социально-экономического положения; принципиальное отличие от ситуации в России в данном случае заключалось в том, что приватизация в новых независимых государствах проводилась с учетом «этнического фактора», преимущественно в интересах титульного населения;

– отказ от русского языка в качестве государственного, оказавшийся для большинства русских и русскоговорящих жителей центральноазиатских и закавказских республик особенно болезненным не только из-за сокращения возможностей его применения в качестве языка межнационального общения, но и потому, что тем самым подтверждался факт их превращения в национальные меньшинства; для русских это вообще стало особенно болезненным ударом, поскольку свидетельствовало об утрате ими престижного в их глазах статуса главной государствообразующей нации;

– резкое снижение уровня жизни, сильно ударившее по городскому русскоязычному населению, не имевшему иных источников дохода, кроме заработной платы, которая часто вообще не выдавалась в условиях наступившей общей хозяйственной разрухи и массовой остановки предприятий.

Оказавшись перед реальной перспективой превратиться в изгоев и маргиналов, эти люди, не доводя дело до крайности, были вынуждены уезжать. Они покидали места обитания нередко с большими материальными и моральными потерями. Россия в этой ситуации служила для большинства из них естественным центром притяжения.

Важно отметить, что чем усерднее местные элиты и националисты разных мастей старались «вытолкнуть» из своих суверенных государств «пришлого» русскоязычное население, тем хуже – по крайней мере до тех пор, пока не удалось наладить торговлю сырьем, – шли дела в экономике. И это понятно, поскольку после массового отъезда специалистов и высококвалифицированных рабочих на предприятиях даже в условиях благоприятной конъюнктуры во многих случаях стало некому работать. В отсутствие бюджетных поступлений, важным источником которых раньше служила промышленность, приходили в упадок другие отрасли народного хозяйства, усиливалась нищета среди местного населения. Неудивительно, что уже вскоре к уезжавшим русскоязычным стали столь же массово присоединяться представители титульных народов стран Центральной Азии и Закавказья.

В результате в 90-е годы возникают миграционные потоки, в которых в Россию могли одновременно следовать и «обиженные», и их «обидчики» – многочисленные пары потенциально конфликтующих друг с другом этносов. Причем это необязательно были пары с участием русскоязычных в общепринятом смысле слова: это могли быть, например, таджики и узбеки, таджики (или узбеки) и турки-месхетинцы, изгнанные ими из Ферганской долины, или же такая всем известная пара, как армяне и азербайджанцы. Иначе говоря, это могли быть пары этносов с высоким конфликтогенным потенциалом, для каждого из участников

которых Россия не была исторической родиной, но теперь должна была выступать в роли третейского судьи и миротворца.

Профессор Л. Рыбаковский и его коллеги, подробно исследовавшие миграционные потоки, возникшие на постсоветском пространстве, приводят статистику, свидетельствующую об их масштабном характере. Так, за 1989–2003 гг. из Закавказья в Российскую Федерацию приехали 451 646 русских и 458 487 кавказцев, а всего – 1 351 686 человек. В 1995–2005 гг. из стран Центральной Азии прибыли 2 млн. 421 тыс. человек. В том, что конфликтный потенциал этих масс приезжих мог быть действительно большим, не приходится сомневаться. Более того, он мог усиливаться по мере продвижения этих миграционных потоков непосредственно по территории Российской Федерации, где их могли дополнять новые пары конфликтующих этносов.

В этом отношении особенно показателен пример Северного Кавказа. К началу 90-х годов обстановка здесь складывалась таким образом, что начавшиеся в регионе процессы суверенизации значительно усилили в обществе социальную напряженность и ксенофобию, следствием чего стали межэтнические конфликты, принимавшие форму этнически направленных погромов или вооруженных межэтнических столкновений. Национальные политические элиты самым непосредственным образом увязывали суверенизацию со стремлением добиться максимальной независимости от федерального центра (для чего нужно было свести к минимуму присутствие русскоязычного населения) и с желанием пересмотреть административные границы, доставшиеся в наследство от советских времен.

Одновременно в регионе нарастают общий хаос и неразбериха, усиливаются криминальные группировки и теневая экономика, на Северный Кавказ идет репатриация кавказцев, ранее проживавших в других регионах Российской Федерации. Все это дополняется появлением первых беженцев и вынужденных переселенцев (армян, азербайджанцев, турок-месхетинцев) из зон межэтнических конфликтов, лежащих за пределами Федерации. В итоге с начала 90-х годов Северный Кавказ стремительно превращается в самый конфликтногенный регион страны, откуда происходит массовый миграционный отток населения нетитульных этнических групп: за одно десятилетие регион потерял около 500 тыс. одних только русских.

Уже в 1991 г. основные события в регионе начинают развиваться вокруг Чечни. После 1 ноября 1991 г. – дня провозглашения Чеченской Республики – здесь начинается антирусская истерия. В отношении русскоязычного населения применяется прямое насилие, в результате чего только за 1992 – 1993 гг. республику покидают около 20 тыс. человек русского населения. Когда же в декабре 1994 г. начинаются военные действия, отсюда бегут уже не только русскоязычные, но и сами чеченцы. При этом первые направляются в ближайшие русские области Северного Кавказа и Поволжья, тогда как вторые расселяются по соседним северокавказским республикам, прежде всего Ингушетии и Дагестану. Часть чеченцев, образуя по пути диаспоры, следуют в глубь российской территории, что влечет за собой серьезные последствия. Таким образом, вместе с вынужденной миграцией дестабилизация распространяется за пределы Чечни.

По сути дела, можно говорить о том, что усилившаяся в связи с войной дестабилизация политической, экономической и этнической ситуации на Северном Кавказе обусловила переход иммиграционных процессов в новую, крайне опасную фазу, когда в рядах иммигрантов появляются террористы и диверсанты, а также участвовавшие в войне иностранные наемники из многих, в том числе европейских, стран. Обладая нередко безупречными по реквизиту российскими паспортами, они разными способами проникают в намеченные пункты Российской Федерации. Кроме того, в Центральный и другие регионы России активно проникает чеченская организованная преступность.

Поскольку в общий поток иммигрантов вливаются теперь не только новые, потенциально конфликтные пары этносов, но и откровенно преступные и террористические эле-

менты, иммиграция в итоге несет в себе возросшую угрозу не только национальной безопасности Российского государства, но и личной безопасности буквально каждого отдельно взятого жителя России. Перенесение в глубь страны и распространение на ее территории приемов террористической борьбы вызывает настоящий страх в широких слоях населения, провоцируя встречную ксенофобию в первоначальном значении этого слова – как страха перед чужими людьми и незнакомцами. В то же время, как считают академик РАН В.А. Тишков и его коллеги, Чечня превратилась в годы войн в один из мировых центров захвата заложников. Захваты заложников имели место даже в Москве, вселяя неверие в способность властей защитить ее жителей.

Важным результатом чеченской экспансии стало резкое усиление негативного восприятия не только самих чеченцев, но и всех кавказцев вообще, даже выходцев из других постсоветских республик. Поэтому есть смысл более подробно остановиться на данном аспекте рассматриваемой проблемы.

Как повлиял конфликт в Чечне на формирование негативного восприятия иммигрантов кавказского происхождения? Предварительно необходимо сделать несколько замечаний по поводу доступных для анализа статистических и иных данных официального и экспертного происхождения, позволяющих судить о чеченской этнической составляющей общего миграционного потока. Как представляется, и те и другие достаточно противоречивы и не являются стопроцентно надежными. К сожалению, других данных в нашем распоряжении нет.

Наибольшее сомнение в отношении их достоверности вызывают официальные данные, основанные, как утверждает, на результатах переписи населения Чечни, якобы имевшей место в 2002 г. в рамках всероссийской переписи населения. Согласно опубликованным данным, в 2002 г. – кстати, отмеченном особо яростной вспышкой партизанской войны, которую вели против федеральных войск чеченские сепаратисты, в принципе исключавшей саму возможность безопасного передвижения переписчиков без сопровождения вооруженной охраны и саперов для разминирования дорог, – в Чечне проживали более 1 млн. человек, представлявших титульную нацию. Во всяком случае в коллективной монографии «Российский Кавказ» (2007) под редакцией В.А. Тишкова, в которой использованы в основном официальные данные, упоминается, что в 2002 г. в республике проживали 1 млн. 32 тыс. чеченцев – на 44 % больше, чем в 1989 г. (716 тыс. человек). Часть этого прироста носила миграционный характер – за 1989–2002 гг. сюда прибыли более 120 тыс. человек чеченского населения.

Вторую по численности этническую группу населения республики составляли русские. В 1989 г. их численность достигала 269 тыс. человек. К 2002 г. она сократилась в 6,5 раза и составила только 40 тыс. человек. Если в 1989 г. доля русских равнялась 25 % от общего населения, то в 2002 г. она снизилась до 4 %. В. Тишков и его коллеги оспаривают даже эту цифру: если вычесть учтенных переписью 2002 г. находившихся в Чечне российских военнослужащих, то русских останется максимум 18 тыс. человек, или не более 2 % от общей численности населения. В то же время в монографии отмечается, что «миграционный отток из республики увлек за собой и большое количество чеченцев». В другие регионы России (в основном в близлежащие северокавказские республики), а также в Азербайджан, Казахстан и Грузию их миграционный отток, по оценкам авторов, составил не менее 130 тыс. человек, что не согласуется с упомянутыми выше официальными данными о приросте численности чеченского населения в период 1989–2002 гг. Иначе получается, что практически весь возникавший здесь эмиграционный отток и другие потери населения образовались за счет одних только русских, что вряд ли соответствует действительности.

Во всяком случае в научных изданиях, публикациях СМИ, Интернете можно встретить сведения о том, что в результате войн 20-тысячная диаспора чеченцев образовалась, например, на Украине; что ранее малочисленная чеченская диаспора в Москве (примерно

3,5 тыс. человек на момент начала первой чеченской войны) уже к середине 1995 г. достигла 15–20 тыс. человек; что диаспоры представителей этой национальности в Волгоградской и Астраханской областях насчитывали на конец 2004 г. каждая примерно по 40 тыс. человек. Чеченская диаспора в 5–6 тыс. человек образовалась в Воронежской области. Руководство мятежной республики могло сознательно поощрять выезд чеченцев в Россию, чтобы обеспечить приток извне средств, необходимых на ведение войны.

В целом наиболее достоверной представляется информация, собранная исследователем чеченских войн Н. Гродненским. Он пишет о том, что за годы войн республику покинули свыше 200 тыс. русскоязычного населения и более 500 тыс. чеченцев.

Как уже отмечалось, потоки мигрантов из республики создавали благоприятные условия для того, чтобы наряду с действительными беженцами и вынужденными переселенцами отсюда в другие регионы страны могли проникать организаторы диверсионных и террористических актов, и такие акты действительно имели место, приводя к дальнейшему обострению межнациональных отношений. В основе данного явления лежало превращение территории республики в плацдарм для проникновения на Кавказ эмиссаров наиболее фанатичной ветви ислама – ваххабизма, стремившихся распространить свое влияние прежде всего на Дагестан, а также другие республики с мусульманским населением. При этом они преследовали далеко идущие цели создания на части территории нынешней России условий для реализации идеи исламского халифата. Неважно, насколько это намерение было реально. Важно другое – подобные планы негативно влияли на умонастроения групп населения, принадлежащих к различным национальностям и конфессиям, сеяли взаимное подозрение и рознь среди граждан Российской Федерации.

Эти подозрения и рознь усиливались тем, что под видом обучения в медресе и других центрах религиозной подготовки на территории Чечни, а также в соседних Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ингушетии и Дагестане в специально оборудованных лагерях велась военная подготовка боевиков, диверсантов и шахидов. Здесь культивировались религиозная и расовая ненависть, идеи газавата и джихада, готовились безжалостные убийцы «неверных». Обученные опытными инструкторами, прежде всего сотрудниками спецслужб и профессиональными военными из ряда мусульманских стран, выпускники таких лагерей могли одинаково быть и проповедниками ваххабизма, и отлично подготовленными боевиками.

Часть выпускников пополняла воинские формирования, другая перебрасывалась в Россию в целях последующей диверсионно-террористической деятельности. Так, только весной 1999 г. лично Хаттабом в различные регионы России было направлено шесть диверсионных групп с целью проведения террористических актов. Всего же за годы пребывания этого международного террориста в Чечне (убит в марте 2002 г.) им были подготовлены от 1600 до 2500 профессиональных «воинов ислама».

О том, какие конкретные цели преследовали ваххабиты, недвусмысленно сказал тот же Хаттаб, выступая перед своими выпускниками в 1998 г.: «Особая задача возлагается на тех, кто осядет в России и соседних дружественных республиках. Надо внедряться во властные структуры, административно-финансовые органы. Создавайте базы, подбирайте людей. Если Ичкерия не получит независимости, мы нанесем удар по всем крупным промышленным городам. Вам необходимо обливаться грязью всех патриотически настроенных русских. Обвиняйте их в фашизме. Тех же, кто захочет встать под святое знамя Пророка, необходимо вязать кровью».

Одновременно в лагерях осуществлялось комплектование воинских подразделений, состоявших из иностранных наемников. Вторая чеченская война еще продолжалась, когда глава российского Министерства обороны С. Иванов сообщил, что среди убитых противника были граждане и подданные 52 стран мира, в том числе европейцы разных национальностей.

Если учесть, что наемников также привлекали к террористическим операциям, можно представить психическое состояние российского социума в целом и каждого его члена в отдельности, когда в любой момент и в любом месте мог прогреметь взрыв, осуществленный человеком необязательно кавказской, а вполне европейской и даже славянской внешности. Но поскольку теперь все эти угрозы прочно ассоциировались с Кавказом, и в первую очередь с Чечней, нетрудно понять, почему именно чеченцы вызывали нарастающую неприязнь.

Исследование проблемы неприятия кавказцев, предпринятое в 2002 г. учеными Института комплексных социальных исследований (ИКСИ РАН), показало, что «скорее отрицательное» отношение к присутствию кавказцев было у 79 % населения российских мегаполисов; 75,4 населения – областных центров; 73,6 – районных центров; 70,8 – сел и деревень, а в среднем – 74,7 %. В исследовании Т. Юдиной в Москве в 2004 г. наибольшее неприятие среди опрошенных вызывали азербайджанцы (78,3 %). Но уже в 2006 г., судя по результатам опроса среди москвичей, проведенного Л. Остапенко и И. Субботиной, на первое место по неприятию, далеко опережая остальных, выходят чеченцы – 61,0 % (азербайджанцы – 38,0 %). Косвенное подтверждение данному факту мы находим у В. Мукомеля в приводимых им экспертных оценках степени дискриминации меньшинств в Самарской области в период с 2002 по 2004 г. Его исследование показывает, что дискриминация чеченцев при приеме на работу и аренде жилья была не только самой высокой среди всех меньшинств в 2004 г., но и существенно выше, чем в отношении азербайджанцев в 2002 и 2004 гг.

Не менее благоприятные условия создавала военная обстановка для проникновения в Россию чеченской организованной преступности, как правило, хорошо вооруженной благодаря обилию скопившегося в республике оружия. К тому же организованные преступные группировки (ОПГ) имели возможность постоянно пополнять свои ряды за счет безработных и, возможно, даже повоевавших соплеменников. Весьма существенно, что руководители группировок, «крышующих» бизнес земляков, несли ответственность за сбор пожертвований на военные нужды с чеченских диаспор по всей территории России, кроме собственно Чечни, где этим занимались подручные Басаева. Оброком в пользу воюющей Чечни обкладывались все: лоточники, торговцы ворованными автомобилями, владельцы казино и бензоколонок, поставщики «живого товара» и т.д. Затем собранные деньги через уполномоченных того же Басаева переправлялись в республику. По данным МВД РФ и налоговой полиции по Северному Кавказу, к началу нового тысячелетия на территории России насчитывалось более 2 тыс. различных структур, связанных с финансированием военных расходов Чечни, в том числе в этом подозревались 350 достаточно крупных предприятий Северного Кавказа.

Чеченская иммиграция, расселившаяся по регионам России, имела характерные особенности: нежелание ассимилироваться, стремление к созданию замкнутых, обособленно живущих и преследующих только собственные интересы сообществ, своего рода непрозрачных клановых структур. Как показал член-корреспондент РАН А. Дмитриев, подобные организованные по этническому признаку сообщества (не только чеченские, конечно) оказались способными до предела снижать или вообще пресекать любую «вертикальную мобильность» местного населения, создавая тем самым чрезвычайно напряженную обстановку.

В результате вооруженного конфликта в Чечне в сложном положении оказались не только коренные жители собственно России, но и российские власти, особенно на местах, поскольку, не имея надлежащего опыта регулирования межэтнических конфликтов, они нередко были вынуждены принимать опасные политические решения. Боясь ошибиться и получить указание на «неполное служебное соответствие», они предпочитали замалчивать происходящее, всячески скрывая имевшие место конфликты от общественного мнения и избегая широкой огласки. Александр Белов, лидер общественного движения против неле-

гальной иммиграции (ДПНИ), убежден, например, в том, что если бы представители Движения вовремя не прибыли в Кондопогу, о случившемся никто ничего бы не узнал.

Как правило, подавляющее большинство случаев межэтнических столкновений вплоть до последнего времени трактовалось органами правопорядка и правосудия как столкновения на бытовой почве, что также снижает меру ответственности властей за подобные случаи. Вместе с тем известно, что, если зачинщиками конфликта признавались коренные жители, их могли обвинить чуть ли не в фашизме. Напротив, совершившие преступление «националы» объявлялись в лучшем случае «хулиганами». А это совершенно разные виды преступлений, предусматривающие разные виды и сроки наказания.

Ни для кого не секрет, что подобные «предпочтения» в реальности были тесно связаны с широко распространившейся коррупцией. Поскольку это большая и отдельная тема, ограничимся здесь несколькими примерами. Отметим предварительно, что подкуп российских должностных лиц, а также принуждение их к сотрудничеству с помощью шантажа или угроз были включены высшим руководством Чеченской Республики в программу отношений с Россией, принятую сразу после подписания 22 августа 1996 г. печально известных Хасавюртовских соглашений.

Одним из таких примеров может служить Кондопога. В небольшом городке с населением в 40 тыс. человек и единственным крупным, по сути дела, градообразующим предприятием – целлюлозно-бумажным комбинатом – за несколько лет до событий сентября 2006 г. численность уроженцев Кавказа выросла в 5 раз. Хотя местные власти продолжали упорно считать, что участвовавшие в этой связи столкновения между русскими и кавказцами являются всего лишь обычными драками на бытовой почве, в городе постепенно зрело недовольство. Ко времени конфликта кавказцы полностью контролировали центральный городской рынок, он был «чисто кавказским». Хотя официально чеченцев в Кондопоге насчитывалось всего 90 человек, в их руках была, по-видимому, сосредоточена если не вся мелкорозничная торговля, то ее значительная часть, не говоря уже о торговле лесом.

Судя по тому, что самый богатый торговец города – азербайджанец Иманов – на правах аренды владел еще и злополучным рестораном «Чайка», в котором разыгралась трагедия, кавказцам могла принадлежать также городская сеть предприятий общественного питания. То есть речь могла идти о практически тотальном контроле кавказской диаспоры над городской торговлей продовольствием и общественным питанием. Недовольство горожан подогревалось активно проводившейся в Карелии пропагандой ислама.

Можно ли всерьез поверить в то, что здесь действовали – согласно тому, в чем нас упорно заверяют, – законы «совершенной конкуренции» и всем происходящим мудро управляла «невидимая рука рынка»? Конечно, нет. Скорее, мы имеем дело с классическим примером подкупа властей, включая милицию, и последующего попустительства с их стороны, позволившего кавказцам извлекать в свою пользу и в пользу властей определенный доход за счет торговли привозными овощами и фруктами. Скупка собственности и монополизация бизнеса – вот настоящие слагаемые этого быстрого успеха.

После убийства чеченцами нескольких русских, горожане, собравшиеся на сход, потребовали от властей не только изгнания кавказцев из города, но и передачи скупленной ими собственности в руки местных предпринимателей. Рядовые кондопожцы были недалеки от понимания истинных причин межэтнического конфликта, хотя и не потребовали привлечения к ответственности представителей местных властей.

По-своему поучителен конфликт, имевший место в астраханском селе Яндыки в августе-сентябре 2005 г., демонстрирующий, как судебное решение, возможно, принятое из лучших побуждений, чтобы не усугублять национальную рознь, способно привести к прямо противоположному результату. В селе, где давно уже бок о бок жили калмыки, русские и чеченцы и где председателем колхоза был чеченец, с наступлением новых времен среди

чеченцев стала нарастать агрессивность. Они все чаще провоцировали драки с калмыками, не стеснялись использовать на своих участках подневольный труд бомжей и местных деклассированных жителей, что не могло не накалять обстановку. В довершение всего трое молодых чеченцев в феврале 2005 г. устроили погром на местном кладбище, надругавшись в том числе над могилой солдата-калмыка, погибшего в Чечне. Возмущенные случившимся калмыки и русские на своих сходах потребовали от властей выселить чеченские семьи. Вандалы между тем были преданы суду и в результате длившегося более полугода разбирательства получили по два года условно и были выпущены на свободу. Это решение вызвало новый взрыв негодования. Со своей стороны, чеченцы в целях устрашения в очередной раз спровоцировали драку, в ходе которой из огнестрельного оружия был убит юноша-калмык. После этого на похороны убитого уже из Калмыкии приехали около 150 человек. Как и следовало ожидать, начались массовые избиения чеченцев и поджоги их домов. ОМОН из Астрахани прибыл, когда часть подожженных домов уже сгорела дотла. По подозрению в убийстве были задержаны трое чеченцев, и началось новое разбирательство.

Очевидно, что в данном случае имели место не только судебная ошибка, но и откровенная пассивность властей, длительное время закрывавших глаза на этот ставший перманентным конфликт. Но российская действительность сегодня такова, что невозможно полностью исключить, что и судебная ошибка, и медлительность властей могут быть «материально простимулированы». Впрочем, нельзя исключать и другие мотивы, скажем, элементарную боязнь мести со стороны чеченцев. Уже упоминавшийся А. Белов рассказывает, что, когда состоялся суд над чеченцами, совершившими множественное убийство в Кондопоге, присутствовавшие в зале суда родственники последних запугивали свидетелей, доставая ножи и угрожая расправой в случае, если свидетель появится здесь в следующий раз.

Случаев, подобных описанному, было много. Повторяясь в различных вариантах, они вписываются в явление, названное «столкновением цивилизаций», в связи с чем уместно напомнить, что и русскую имперскую, и советскую цивилизации нельзя воспринимать как некие монолиты: помимо центрального ядра, составленного из русской (советской) культуры, существовали и культурные сплавы с трещинами и разломами, обусловленными различиями в исторических условиях формирования составляющих их национальных и конфессиональных компонент, их нахождением на разных уровнях общецивилизационного развития. Отождествляемые обычно с национально-конфессиональными особенностями, эти различия дали о себе знать в момент распада советской цивилизации, когда под влиянием быстро наступившей экономической разрухи и нищеты народы, ранее жившие в основном в своих «национальных квартирах», стали массово мигрировать в оказавшуюся в более благоприятном положении Россию. Образовав здесь «новые диаспоры», они вступали в новые для себя отношения с принимающим обществом. Некоторые из них в силу цивилизационных особенностей были интолерантны и полностью лишены политкорректности, что и оживило, казалось бы, давно забытые понятия «свой» и «чужой».

В этом отношении «чеченская составляющая» бывшей советской цивилизации отличалась особым своеобразием: она сохранилась как реликтовый социум еще дофеодальной эпохи, в котором родоплеменные связи в рамках архаичных тейпов все еще продолжали играть если не доминирующую, то во всяком случае важную роль при определении отношения к «своим» и «чужим». Неудивительно, что, когда этот социум попытались силой втиснуть в чуждые ему рамки демократии и «диктатуры закона», он оказал этим попыткам не только пассивное, но и активное, вплоть до вооруженного, сопротивление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.